

Глава 3

Минну вздрогнул. Повинуясь первому порыву, он резко отдернул руку и отступил на пару шагов. Встретившись взглядом с холодными фениксовыми глазами, юноша почувствовал, как по спине пробежал ледяной озноб.

По комнате плыл тонкий холодный аромат. Цзянь Сюэхэ пристально смотрел на замершего перед ним названного брата. На шее еще тлела тупая боль, и испуг Минну не укрылся от его внимания, заставив на мгновение прищуриться.

Сердце Минну бешено колотилось. Он не смел поднять глаз. Сюэхэ с самого детства был куда проницательнее его, и если он догадается, что только что произошло...

— Молодой господин Хэ, — Минну изо всех сил пытался казаться спокойным. Голос его, впрочем, звучал едва слышно. — Вы нездоровы, и госпожа велела мне присмотреть за вами.

Сейчас Цзянь Сюэхэ едва исполнилось четырнадцать. В его чертах еще сквозила юношеская мягкость, но лицо оставалось бесстрастным, почти суровым. В глубине его темных, как крепкий чай, глаз дрожало испуганное отражение Минну.

— Кха... — Сюэхэ снова зашелся в тяжелом кашле.

Минну замер, затаив дыхание. Краем глаза он успел заметить на шее юноши две темные отметины — багровые следы от собственных пальцев.

Сюэхэ глухо закашлялся, слегка подавшись вперед. Черные волосы рассыпались по плечам. Силившийся унять дрожь Минну услышал тихий, хриплый голос:

— Воды.

Взгляд Сюэхэ слегка смягчился, утратив прежнюю колючую остроту.

Этот властный, приказной тон обычно задевал Минну, но сейчас, умирая от страха перед разоблачением, он забыл о гордости.

На жаровне постоянно томился чайник. Суется от нервного напряжения, Минну потянулся к нему слишком поспешно и тут же обжег пальцы о горячую глину.

Он тихо вскрикнул, отдернув руку, и мгновенно почувствовал на себе тяжелый, пристальный взор. Сюэхэ смотрел равнодушно, но от этого взгляда хотелось сжаться в комок.

— Прошу, молодой господин, — Минну протянул пиалу, пониже опустив голову. От горячей воды поднимался влажный пар. В поле его зрения скользнули лишь изящные, бледные пальцы, перехватившие чашу.

— Что ты делал перед тем, как я очнулся? — негромко спросил Цзянь Сюэхэ.

Минну похолодел и замер на месте. Его взгляд так и тянулся к покрасневшей коже на шее Сюэхэ. Если эти следы не сойдут за пару дней, Чунлань или сама госпожа Цзянь непременно их заметят. И тогда пощады не жди.

— Я... я просто ухаживал за вами, как велела госпожа... — Щеки Минну вспыхнули от собственной лжи, а в груди шевельнулась глухая обида. Он до боли сжал пальцами край своего широкого рукава, пряча обожженную ладонь. — Но когда наливал воду, отвлекся... и случайно ошпарил вас.

Юноша умолк, отведя взгляд в сторону умывального таза, где мокла ткань. О деталях Сюэхэ мог догадаться сам.

Если бы Минну по неосторожности причинил вред молодому господину, наказание от разгневанной хозяйки последовало бы незамедлительно. Выходило, что своими поспешными действиями он лишь пытался замести следы.

Сюэхэ пристально посмотрел на него, но новый приступ кашля прервал его молчание. Этот удушливый, хриплый звук отозвался в душе Минну темной, мстительной мыслью: «Хоть бы ты никогда не поправился».

В прошлой жизни мало кто знал, что прославленный гений в юности страдал от этого изнуряющего недуга. Позже эта болезнь странным образом перешла к самому Минну — стоило ему переохладиться, как его тело охватывал сильнейший жар, лишая сил на долгие недели.

Кашель наконец стих. Минну опомнился и осторожно поднял глаза. Напряжение, царившее в комнате, внезапно рассеялось.

Сюэхэ снова лишился чувств.

Щеки лежащего юноши горели лихорадочным румянцем. Коснувшись его лба, Минну испуганно отдернул руку — кожа была обжигающе горячей.

Первая мысль была — сбежать. Но для верности он негромко позвал:

— Молодой господин Хэ?

Сюэхэ не шевельнулся.

Минну все еще грызли сомнения. Он сверлил взглядом бледное лицо Сюэхэ, подозревая, что тот может притворяться.

Чтобы обезопасить себя, он нехотя выжал мокрую ткань и небрежно бросил ее на лоб больного.

Если Сюэхэ позже выдаст его, гнева госпожи Цзянь и старшей служанки Чуньлань не миновать. За такое его могли забить до полусмерти.

Снова уставившись на шею Сюэхэ, Минну осторожно потянул вверх воротник его белоснежного нижнего платья, пытаясь скрыть темные следы. Ткань едва прикрыла отметины.

Стоило ему отпустить ворот, как ресницы Сюэхэ вздрогнули, а брови мучительно сошлись у переносицы. В то же мгновение его пальцы мертвой хваткой сомкнулись на запястье Минну.

Хватка больного оказалась неожиданно жесткой и ледяной. Почувствовав острую боль, Минну испуганно уставился на Сюэхэ, но тот по-прежнему лежал с закрытыми глазами, не приходя в сознание.

От неожиданности у Минну перехватило дыхание, а по спине пробежал липкий пот. От этого ледяного прикосновения кожа покрылась пупырышками. Стиснув зубы, он принялся свободной рукой разжимать чужие пальцы.

Сюэхэ держал крепко, оставив на коже Минну багровые борозды. Когда пальцы наконец удалось разжать, больной тут же вцепился в его рукав.

Видимо, даже в бреду Сюэхэ видел в нем угрозу. Минну невольно подумал, что ему крупно повезло: будь у Сюэхэ силы держать меч, живым бы он из этой комнаты не вышел.

Страх запоздалой волной накрыл его. Он растерянно смотрел на тяжело дышащего Сюэхэ. Тот метался в сильном жаре, слабый и беззащитный, но Минну так и не решился завершить начатое.

Постояв у постели еще немного, он решительно отвернулся.

Распахнув дверь, он впустил в душную комнату поток ночной прохлады. Минну ушел, бросив лихорадящего Сюэхэ одного, и нарочно не стал звать слуг.

Ванчунь преданно ждал у крыльца. Стоило Минну показаться на пороге, как слуга облегченно выдохнул.

— Второй молодой господин, — в голосе Ванчуня звучала глубокая тревога.

Минну лишь молча моргнул в ответ.

В комнате по-прежнему пахло тонким холодным ароматом. Порыв сквозняка задул свечу, погрузив покои в глухую темень.

И в этой тишине лежащий на постели юноша медленно открыл глаза.

Минуло два дня. За это время Минну не почувствовал ни малейшего недомогания. Только тогда он окончательно убедился: отвар из кровоизущей травы не подействовал. Однако расслабляться было рано.

Рано или поздно госпожа Цзянь и глава клана поймут, что их замысел сорвался. Кто знает, какую изощренную подлость они уготовят ему в следующий раз?

— Второй молодой господин, вас что-то тревожит? — спросил Ванчунь, аккуратно складывая одежду Минну.

Все эти вещи когда-то носил Сюэхэ.

Минну никто в поместье не шил нового платья. Поскольку они с Сюэхэ были ровесниками, Ванчунь как-то осмелился попросить у слуг новые вещи, но Чуньлань лишь велела отдать Минну то, что старший сын клана давно не носил.

В прошлой жизни Минну безропотно принимал обноски, но сейчас они вызывали у него глухое раздражение. Ткань насквозь пропиталась благовониями «Весенняя орхидея» — изысканным, редким ароматом, который делали только в Цзянчжоу.

— Все в порядке, не переживай, — отозвался Минну.

Он поднес рукав к лицу, поморщился от навязчивого запаха и нарочно распахнул воротник, пытаясь выветрить чужой аромат.

— И все же... мне кажется, вы очень изменились, — не удержался Ванчунь. Он бросил на молодого хозяина нерешительный взгляд, но тут же смущенно прикусил язык.

У Минну тревожно екнуло сердце.

— Изменился? И в чем же?

— Будто бы... стали пронизательнее, — Ванчунь неловко почесал затылок и густо покраснел. — Простите мою глупость, я толком и объяснить не могу. Вроде бы вы прежний, но в то же время совсем другой.

«Выходит, раньше я казался ему дураком?» — Минну почувствовал, как к щекам прилил жар. Он действительно не отличался ученостью, но отличить добро от зла был способен.

Он слишком хорошо помнил тех, кто погубил его в прошлой жизни. И теперь, получив второй шанс, он ни за что не пойдет по старому пути обреченного мученика.

— Сегодня я встретил Чуньлань, — прервал его мысли Ванчунь. — Она сказала, что молодой господин Хэ пошел на поправку. Жар спал. Вас просят зайти к нему сразу после ужина.

Новость о выздоровлении Сюэхэ принесла мимолетное облегчение, смешанное с горькой досадой. С одной стороны, раз наследник клана жив, у госпожи Цзянь пока нет повода мучить Минну. С другой — в глубине души он яростно желал, чтобы этот баловень судьбы просто сгорел от лихорадки.

Последние дни Минну не покидал своей комнаты. Поужинав скромной стряпней вместе с Ванчуном и старой няней, он стал ждать. Посланник от Чуньлань явился без промедления.

Минну не имел права садиться за один стол с хозяевами поместья. Послушно следуя за Чуньлань по бесконечным переходам, он разглядывал вышколенных слуг. На одеждах каждого из них красовался вышитый золотом нарцисс — герб великого клана Цзянь. На этот раз его вели в главный зал.

Стоило переступить порог залы, как в лицо ударил жар от скрытых в полу печей. Роскошное убранство и гнетущее величие этого места тяжелым грузом опустились на плечи юноши.

В просторном покое царил безмолвие. На возвышении восседала женщина удивительной красоты. Лишь тонкие, едва заметные морщинки у глаз выдавали ее возраст. Облик ее дышал благородством и величием. Стоило госпоже Цзянь одарить гостя мягким взглядом из-под изогнутых бровей, как тот невольно проникался к ней доверием. В молодости она слыла признанной красавицей.

По правую руку от нее сидел Цзянь Сюэхэ.

Тонкие черты юноши превосходили изяществом даже материнские. Минну знал, что пройдут годы, и слава об этом ослепительном облике разлетится по всем Девяти провинциям. О Сюэхэ

будут говорить как о божестве, сошедшем с небес, чистом и недостижимом, словно горный лед.

Лихорадка отступила, и лицо Сюэхэ вернуло свой привычный благородный оттенок. Он медленно поднял веки. В его темных глазах плескалась холодная, пугающая пустота, скрывавшая любые мысли и чувства.

С той самой секунды, как Минну переступил порог, этот ледяной взор неотрывно следил за каждым его движением.

— Приветствую вас, госпожа, — Минну склонился в безупречном поклоне.

Внутренне содрогаясь от страха, он заставил себя поднять голову и встретиться с хозяйкой взглядом.

— Оставь церемонии, — ласково улыбнулась госпожа Цзянь. — Хэ-эр едва оправился от недуга, и в этом есть твоя заслуга. Спасибо, что присмотрел за ним в ту ночь.

— Признаться, я очень переживала, как бы его болезнь не перекинулась на тебя. Но, хвала небесам, беда миновала. Как ты себя чувствуешь, дитя? — В ее голосе сквозило неподдельное участие, а теплый взгляд ласкал лицо Минну.

Юноша напрягся всем телом. За этой ласковой улыбкой скрывался холодный расчет: госпожа Цзянь изучала его, выискивая малейшие признаки недуга. Стоит ему оступиться или проявить слабость — и начнется дознание.

— Я... со мной все хорошо, — Минну замялся, искусно изображая робкое замешательство, хотя его ладони мгновенно взмокли от холодного пота. — Никакой слабости я не чувствую. Тело слушается как обычно. Благодарю за заботу, госпожа.

Женщина медленно отвела взгляд и удовлетворенно кивнула:

— Вот и славно. У меня от сердца отлегло. Скажи, ладно ли тебе живется в твоём дворике? Ни в чем не испытываешь нужды?

Вопрос прозвучал обыденно, почти небрежно. В своей прошлой жизни Минну после той ночи несколько дней пролежал в беспамятстве от жестокого жара, и госпожа Цзянь даже не вспомнила о его существовании. Сейчас же она устроила ему допрос с единственной целью — убедиться, что ее драгоценному сыну ничто не угрожает.

— У меня есть все необходимое, — тихо ответил Минну.

— Если возникнут трудности, скажи Чуньчи, он во всем разберется, — мягко произнесла

госпожа Цзянь. — Недавно твой слуга Ванчунь жаловался, что тебе вовремя не выдали новое платье из кладовых. Но, признаться, глядя на тебя сейчас... наряды моего Хэ-эра сидят на тебе на редкость ладно.

От этих слов щеки Минну обожгло стыдом. Сюэхэ был его ровесником, но превосходил ростом и статью. Сшитые на заказ одежды наследника висели на худом плече Минну нелепым, просторным мешком, и это убожество госпожа Цзянь лицемерно назвала «ладным».

Впрочем, хозяйка дома тут же потеряла к нему интерес, повернувшись к сыну. Но стоило ей скользнуть взглядом по его лицу, как она застыла. На бледной шее Сюэхэ отчетливо виднелись две багровые отметины.

— Хэ-эр... откуда у тебя эти раны? — Голос женщины дрогнул от тревоги.

В зале повисла мертвая, звенящая тишина.

У Минну оборвалось сердце. Повинуясь глухому страху, он медленно поднял голову и столкнулся со спокойным, нечитаемым взглядом Сюэхэ.

Лицо наследника оставалось безупречной маской. Он смотрел на названного брата сверху вниз, и в полуприкрытых фениксовых глазах мерцал холодный, пронизательный взор, словно способный обнажить любую ложь.

<http://bllate.org/book/20439/2106294>